

### Глава 33. Поднимается ветер

Су Чжэ не стал испытывать терпение собравшихся. Почтительно поклонившись, он произнес:

— Почтенные гости, перед вами глава секты Небесного Высокомерия — Тянь Чикун.

Зал, едва успевший притихнуть, мгновенно взорвался нестройным гулом. Повсюду слышался удивленный шепот, вскрики изумления и взволнованный ропот. Бай По даже слегка помрачнел. Хотя он и редко вмешивался в дела Срединных равнин, но прекрасно знал: секта Небесного Высокомерия входила в число тех немногих сил, с которыми Секте Таинства приходилось считаться всерьез.

Секта Небесного Высокомерия не славилась разнообразием стилей, но их искусство владения саблей гремело на всю поднебесную. Ни один другой орден не мог сравниться с ними в мастерстве клинка. Оттачиваемое поколениями, это смертоносное учение превратилось в обособленную грозную школу, наводящую страх на весь мир боевых искусств. В прошлые годы, стоило Секте Таинства двинуться войной на Срединные равнины, как именно от рук мечников Небесного Высокомерия гибли целые сонмы демонических воинов.

В их рядах могли быть те, кто слаб в легкости шага или уступает в кулачном бою, но бездарных саблистов у них не водилось. Эта секта была истинным орудием истребления в руках Цзянху.

В открытом столкновении мало кто мог противостоять им лицом к лицу. Диковинным было и то, что предводители секты Небесного Высокомерия почти никогда не являлись миру. Послушные древней традиции, из поколения в поколение они затворялись в обители, посвящая жизни постижению клинка, и редко вмешивались в мирскую суету. Кто бы мог подумать, что трагедия семьи Цзян заставит самого главу секты покинуть уединение?

Бай По пристально взгляделся в Тянь Чикуна. Во время их недавней короткой стычки этот человек настолько безупречно скрыл свою ауру и внутреннюю силу, что он не почувствовал в нем мастера. Лишь в бою стало ясно — их силы равны. Подобное самообладание внушало искренний трепет.

Мысль о скрытой силе невольно заставила его перевести взгляд на почетного гостя, восседавшего по правую руку вверху. Тот тоже оставался для него загадкой. Однако Чу Ян, в отличие от Тянь Чикуна, действовал тоньше: он не просто гасил свое дыхание, а искусно подменял его другим.

Он кутался в маску праздности и беспечного повесы, пряча за ней острый, как лезвие, нрав.

Задумавшись об этом, Бай По поймал себя на том, что неприкрыто разглядывает молодого господина Чу. Тот, хоть и был ошеломлен новостью о настоящем статусе своего ровесника Тянь Чикуна, быстро совладал с эмоциями. Отводя взгляд от новоприбывшего главы секты, Чу Ян натолкнулся на прямой, почти глуповатый от задумчивости взор Бай По. Молодой хозяин

крепости Чу невольно мягко и едва заметно улыбнулся. Однако юноша в белом даже не шелохнулся — он продолжал безучастно смотреть на него, глубоко погрузившись в собственные мысли.

Ван Шо сидел, низко опустив голову, но ни на миг не выпускал Бай По из виду. Он сразу заметил, как тот отвлекся и как устремил взгляд на Чу Яна. Стоило принцу вспомнить события той ночи и увидеть эту замороженность на лице юноши, как холодный блеск в его глазах медленно угас, сменившись безжизненной серостью.

Тянь Чикун с момента своего появления не сводил глаз с Чу Яна, занимавшего самое почетное место. Молва в Цзянху рисовала молодого господина Чу не в лучшем свете — повеса, бездельник, завсегдатай веселых кварталов... Обыватели редко утруждали себя размышлениями о том, как подобный ветреник ухитрился обойти добрый десяток братьев и занять место наследника грозной крепости. Людской ум слишком прост и падок на внешнюю мишуру.

Наблюдая за Чу Яном, он заметил его теплую улыбку. Движимый любопытством, он проследил за его взглядом и наткнулся на сидящего в углу юношу в белом. На мгновение застыв от неожиданности, глава секты улыбнулся, шагнул навстречу и вежливо сложил ладони:

— Брат Бай, и вы здесь?

Бай По хоть и узнал собеседника, никак не ожидал столь дружеского приветствия. Ощувив на себе десятки устремленных взглядов, он недовольно нахмурился и обронил сухое:

— Угу.

Тянь Чикун ничуть не обиделся. С улыбкой он проследовал к почетным местам, оставив позади взволнованно перешептывающийся зал. Гости то и дело косились на нелюдимого юношу в белом. Кто такой Тянь Чикун? Владыка секты Небесного Высокомерия, человек колоссального влияния в Цзянху. Немногие удостаивались чести услышать от него приветствие первыми, но чтобы ответить на него с подобным безразличием — о таком никто и помыслить не смел.

Когда первые волны притворного сочувствия и праведного гнева по поводу гибели семьи Цзян улеглись, кто-то из нетерпеливых гостей наконец выкрикнул то, что занимало умы всех присутствующих:

— Позвольте спросить, молодой господин Цзян! Что за поручение приняло ваше почтенное агентство, раз на вашу долю выпало такое несчастье?

Услышав вопрос, Цзян И поднял воспаленные глаза и, едва сдерживая рыдания, ответил:

— Скрывать мне нечего. Перед смертью мой покойный отец принял на хранение обычный

свиток с рисунком.

— Всего лишь свиток? — зашумели в толпе. — И из-за этого вырезать целую усадьбу? Неужто на свете есть столь безжалостные твари?

Эти выкрики казались проклятиями в адрес убийц, но на деле собравшиеся исподволь давили на сироту, требуя выложить всё до конца. Ну кто станет губить сотню жизней ради клочка бумаги?

Цзян И сидел на возвышении, обводя притихших воинов затуманенным от слез, беспомощным взглядом.

— Досточтимые дяди и старшие братья, благородные мужи! — Его голос сорвался на хрип. — Из сотни душ моей семьи в живых остался лишь я один. Мое жалкое существование продлено лишь ради мести и упокоения душ безвинно убиенных. Разве станет человек в моем положении утаивать хоть каплю правды?..

Слова потонули в рыданиях. Не помня себя, Цзян И рухнул на колени прямо перед залом и трижды ударился лбом о пол.

— Тот человек, что принес заказ, не обмолвился и парой слов, — сипло выдавил он. — Отец лишь мельком взглянул на свиток — там был крошечный рисунок. Но подумайте сами, какая сила нужна для того, чтобы ради безделушки вырезать под корень главное представительство охрannого агентства «Доблестное Процветание» и при этом не дать ни единому мастеру из наших филиалов прийти на выручку?

Он перевел дыхание и продолжил, чеканя полные ненависти слова:

— К тому же нападавшие скрылись бесследно. Все улики, оставленные на месте бойни, кричат о том, что это дело рук чужаков. Ни одна из школ Великой Чжоу на подобное не способна. Но какая сила из сопредельных земель — будь то Северная пустыня, Южный край или Сисан — решилась бы на такое? И главное: у всех погибших мужчин моей семьи были выколоты глаза. Собравшиеся здесь наверняка слышали о Секте Таинства. Их кровожадный старейшина питает слабость к человеческой плоти и после каждого убийства забирает глазные яблоки своих жертв.

Было очевидно, что Цзян И тщательно взвешивал каждое слово эти несколько дней. Он прекрасно понимал, как задеть струны в душах этих людей, как заставить их почувствовать угрозу собственному благополучию или попросту загнать почтенных столпов праведности в угол ложным чувством долга. Только так у разоренной семьи оставался хоть какой-то шанс на отмщение.

Один лишь Бай По слушал эти излияния с горькой усмешкой. Наблюдая за тем, как собравшиеся сжимают кулаки и притворно выражают отвращение, он находил ситуацию

донельзя забавной. Каково это — сидеть посреди толпы, жаждущей твоей крови, и слушать, как они планируют твою смерть? Пожалуй, это щекотало нервы похлеще любого боя.

«Вырывать глаза после каждого убийства?.. Да я делаю это только тогда, когда жертва мне противна! Надо же, как эти праведники любят очернять Секту Таинства. И ведь верят каждому слову... Поистине, велик мой грех перед ними».

Пока он предавался безмолвному покаянию, сидевший неподалеку настоятель Пещеры Пустого Талисмана с силой грохнул кулаком по подлокотнику кресла и зычно пробасил:

— Да у этих ублюдков из Секты Таинства еще и другой выродок есть! Тот, сука, вообще младенцев жрать горазд! Каждый божий год их твари шныряют по Великой Чжоу — то крадут детей, то скупают за бесценок. Поговаривают, они из мальцов солонину делают, чтобы потом под дешевое винишко грызть!

Глава школы Переворачивания Облаков скорбно покачал головой и со вздохом добавил:

— Пускай эти исчадия беснуются в своей Северной пустыне, но соваться на Срединные равнины мы им не позволим. Настало время проучить мерзавцев.

— Верно! — загудела толпа. — Пусть знают свое место! В этот раз они зашли слишком далеко!

— Проучить их! В Цзянху есть свои законы, и те, кто смеет их нарушать, заплатят кровью!

Зал утонул в яростных выкриках. Однако мастера, сидевшие во главе стола, лишь сдержанно кивали. Никто из них не спешил подавать голоса или открыто поддерживать призывы к войне.

<http://bllate.org/book/18409/1866249>